

вой глины, песка и гальки. Лѣтомъ, во время сильныхъ дождей, въ горахъ вода бѣжитъ по всей этой равнинѣ; тогда пути здѣсь нѣтъ. Нельзя также пройти съ караваномъ и по самому Уланъ-гаджиру, пока болота не замерзнутъ. Вообще поздняя осень, которая теперь уже наступила, можетъ считаться единственнымъ лучшимъ временемъ для путешествія по всему южному Цайдаму. Весною и лѣтомъ пройти съ верблюдами здѣсь почти невозможно — болота топки, жарко, гибель мучающихся насѣкомыхъ; зимою вьючнымъ животнымъ также трудно, ибо кормъ на ночлегахъ будетъ уже сѣденъ мѣстнымъ скотомъ.

Изъ Уланъ-гаджира ведутъ два пути: одинъ въ ур. Гасъ, другой въ ур. Сыртынъ. Этотъ послѣдній, о которомъ было упомянуто выше, направляется, какъ говорили намъ монголы, внизъ по Уту-мурени до ея устья, затѣмъ обходить оз. Дабасунъ-норъ и пересѣкаетъ ур. Махай.

Въ Уланъ-гаджирѣ мы провели пять сутокъ. Мѣстные монголы, свѣдавъ о скоромъ прибытіи къ нимъ нашей экспедиціи, откочевали въ стороны и попрятались со своими стадами, такъ что ихъ едва можно было розыскать. Однако, видя, что мы дурнаго не дѣлаемъ, вскорѣ возвратились на прежнія свои мѣста. Съ помощью сининскаго переводчика мы купили у тѣхъ же монголовъ 60 барановъ, юрту для казаковъ, немного масла и промѣняли трехъ усталыхъ лошадей на свѣжихъ. Гораздо затруднительнѣе было отыскать проводника на дальнѣйшій путь въ Гасъ. Однако, и это, самое важное для насъ дѣло, уладилось послѣ настоятельныхъ съ нашей стороны требованій и при содѣйствіи того же сининскаго переводчика. Послѣдній былъ вознагражденъ за свои услуги и отправленъ обратно.

Въ Уланъ-гаджирѣ (на берегу Уту-мурени) удалось сдѣлать астрономическое опредѣленіе широты и долготы, такъ что мѣсто это хорошо теперь установлено по географическимъ координатамъ. Широта получилась равною $36^{\circ} 55,8'$; долгота же вышла $93^{\circ} 13'$ отъ Гринвича.

Въ ближайшихъ къ нашему бивуаку тростникахъ водилось множество *фазановъ* (*Phasianus Vlangalii*) — тотъ самый видъ, что и для всего Цайдама. Охота за ними была такъ добычлива, что я бралъ съ собою казака, иногда же двухъ, съ мѣшками, собирать убитыхъ; притомъ еще довольно часто подстрѣленные убѣгали въ тростникъ. Кромѣ фазановъ по болотамъ держались въ небольшомъ числѣ пролетныя, быть можетъ даже оставшіяся на зимовку, утки, главнымъ образомъ *кряквы* (*Anas boschas*) и нерѣдко попадались *водяные коростели* (*Rallus aquaticus*).

13 октября, въ сопровожденіи новаго вожака и другаго монгола, назначеннаго ему въ товарищи, выступили мы съ Уту-мурени въ Гасъ.